

3. ЛЮДИ НАВЕРХУ

Беседы с Сергеем Александровичем Шавелем, моим давнишним знакомым, доктором социологических наук, честным ученым, порядочным человеком

Для затравки разговора расскажу вам, Сергей Александрович, как я общался с представителем новой элиты.

Преуспевший на полулегальных перепродажах цветных металлов сорокалетний бизнесмен нанимал меня редактором своей газеты. В условленном месте меня ждал белый "Мерседес". Мне указали на заднее сиденье, будущий шеф сел впереди, справа от водителя. Мы помчались.

Мы были первыми на каждой промежуточной дистанции от светофора к светофору. Шеф оглядывался на побежденные автомобили и называл марки. Мощное авто вжимало меня в сиденье. Так ветер припечатывает к окну ничтожный листок. Перед светофором от резкого торможения меня отрывало и прижимало к мокрому бугру-затылку работодателя. Так я и болтался, пока они, впередисидящие, наслаждались победами.

Квартира бизнесмена располагалась на "первом диаметре" Минска — на проспекте Скорины. Он привез меня почему-то не в офис, а на квартиру. Пять комнат, отделанных "под Европу". Золотистые ручки, кнопки, шарики блестяли, как... Нет слов, блин!

Экскурсия завершилась в туалете. Передо мной была торжественно откинута соответствующая крышка, под которой продемонстрировано хитроумное устройство, издающее в нужный момент "тонкий неуловимый запах миндаля, эффективно нейтрализующий прочие запахи". Так сообщил шеф. Жаль, я не убедился в этом на практике, ибо нужный момент не наступил.

Не начав переговоров о газете, бизнесмен сказал, что надо еще "кое-куда подъехать". Перед тем познакомил со старшим сыном, который находился в квартире до нашего приезда. Тот закончил школу и собирался в платный юридический институт. Или "куда-нибудь в хорошее место в Англию". Мы вышли на улицу, где ждал белый "Мерседес". На сей раз шеф сел за руль, а шофер справа. Будущий юрист сел в красные "Жигули", тоже ждавшие его у подъезда. И мы помчались.

Это были гонки поколений. Папа и сын сигналили друг другу, когда то одному то другому удавалось вырваться вперед. Смеялись, показывали рожки. Было слышно, что шеф сильно вспотел. Он же и победил. Но я как член экипажа радости не ощутил, потому что передрожал от острых моментов.

Мы приехали на "второй диаметр Минска" — на проспект Машерова. Зашли в подъезд кирпичного дома, поднялись на четвертый этаж, очутились в трехкомнатной квартире. Здесь, судя по всему, не жили. Был сделан "евроремонт", расставлена мебель. Все блестело, как... Как в той квартире, которую мне только что показывали. Но в этой было отличие. Смывной бачок источал, когда надо, тонкий неуловимый запах ландыша, а не миндаля.

В самой большой комнате на стеклянный столик бизнесмен положил свой телефон, поставил пузатую бутылку сто долларового вина, налил мне высокий стакан до краев и ... начал обсуждать с сыном перипетии недавней гонки. Я был лишний на празднике элиты...

Мне кажется, все мы для них — лишние. В лучшем случае мы — средство для достижения их целей. Элита, представитель которой показывал мне свое превосходство, пока вещь в себе. Она производит в основном потный запах желаний, его не уничтожают ни миндаль, ни ландыш.

Существенно для нас то, что элита рождает детей. Вещь в себе обязательно включает наследников. Элита стремится дать отпрыскам хорошее образование. Возможно, папа обучит сына не только водить машину, но и передаст секреты оборотистости, хитрости, деловитости, алчности. Возможно, к тому времени у них будет пять квартир в элитных местах столицы и десять автомобилей, и они пресытятся. Возможно, сын окажется умнее отца и, унаследовав его дело, явит некие общественно-полезные замыслы. В итоге и нам перепадет больше, чем стакан хорошего вина.

Пусть активно плодятся! Кстати, элита — многодетна. Во-первых, жизненные условия позволяют. Во-вторых, у них, у шефов, много жен и любовниц, и каждая приносит наследников.

— Сергей Александрович, чтобы обозначить место и роль элиты, скажите сначала, из каких слоев состоит современное белорусское общество?

— В состав основных общественных классов Беларуси входят: 1) высший высший класс — 0,8 процента населения; 2) низший высший класс — 1,3; 3) высший средний класс — 3,5; 4) низший средний класс — 23,4; 5) высший низший класс — 31,3; 6) низший низший класс — 39,7 процента населения.

— Кто входит в элиту общества у нас и в США? В сравнении увидеть и понять легче.

— Сравнение общественных классов США и Беларуси может быть только относительным, с учетом разных масштабов собственности и доходов,

различия в психологии, ориентациях и образе жизни. Тем не менее оно полезно для выявления тенденции классового образования белорусского общества.

Соединенные Штаты со времени войны за независимость решительно отказались от сословно-кастового устройства, типичного для Старого света с его монархиями, дворами, знатью, наследуемыми должностями, привилегиями. США стали первой страной, где социальное продвижение человека в большей степени, чем где бы то ни было, зависело от личных способностей. Человек, сделавший себя сам, сумевший выстоять, преодолеть обстоятельства, подняться на самый верх, — он стал идеалом американцев. Родословная практически всех самых знатных фамилий США начинается с простых людей, аристократы в Америку не переселялись.

Сегодняшняя элита США — это выходцы из именитых семей, располагающие значительным богатством и несомненной репутацией. На них ориентируются, им хотят подражать, к их мнению прислушиваются.

— Главный признак элиты — не богатство, а репутация?

— Да. Многие из тех, кто разбогател на неблагоприятных сделках (мафиози, коррупционеры) мечтают попасть в высший класс, но подмоченная репутация не допускает этого.

— Кто входит в белорусскую элиту?

— Это полулегальная группа самых богатых, по меркам республики, людей, в которую входят отдельные представители госаппарата, некоторые банкиры, бизнесмены. Эти люди или прямо обладают властью (правлящая элита), или имеют каналы влияния, лоббирования.

— Термин "элита" обозначает нечто лучшее, отборное, избранное. Элита как высший класс общества обычно отличается тем, что занимает ведущее положение. Элита накопила достаточные средства и силы влияния, чтобы направлять общественное развитие в нужную для нее сторону. А как у нас?

— В демократическом обществе элита формируется естественно, эволюционно, путем отбора действительно лучших. Имею в виду доминирующую тенденцию, поскольку ничто в обществе не реализуется по таблице умножения, без противоречий, отклонений, конфликтов. Западная элита — это открытый класс. Белорусская элита — закрыта. Там немало темных личностей.

В США известно все или почти все об источниках богатства, налогах, общественно значимых деяниях каждого члена высшего класса. Гласность, открытость и требования безупречной репутации делают этот класс

легитимным, признанным общественным мнением и, соответственно, защищенным законами страны.

Согласитесь, ни один из этих признаков у нас не выдерживается. Можем ли мы утверждать, что наша новая элита вобрала в себя способных, честных? Опросы общественного мнения о рейтинге депутатов показывают, что далеко не все они оцениваются именно так. Избиратели не умеют отличить ловких популистов от поистине толковых, квалифицированных, принципиальных деятелей.

Наша элита мало задумывается о высокой репутации, ей кажется, что достаточно иметь признание в своем узком кругу и поддержку вышестоящего начальства. Отсюда — невнимание к легитимизации своего положения. Видимо, ваш несостоявшийся шеф, показывая вам свои шикарные квартиры, начал выходить из подполья. Но делал это опять-таки вызывающе, чванливо, в меру своего интеллекта.

— Как найти в обществе и выдвинуть наверх поистине лучших из лучших? Они ведь есть! Не сведем же мы разговор к тому, что Беларусь бедна на способных людей

— Суть различий не в людях, а в обществе. Удельный вес талантливых людей примерно одинаков, а вот степень демократизма, государственной защиты собственности и доходов, полученных законным путем, гласности, открытости — разные. Все другие различия — индивидуально-психологические, моральные, профессиональные, социальные — только следствие такого положения.

— Хорошо, вернемся в Америку. Всегда ли знает Америка об источниках богатства своей элиты?

— Декларирование доходов и наследства обязательно, что отслеживается налоговой службой, одной из самых строгих. Регулярно издается сборник "Кто есть кто?", где указываются и заслуги, и источники доходов. Попасть в издание большая честь. Хорошо действует внутренний нравственный контроль, и человек, скрывающий доходы или использующий неблагоприятные способы обогащения, нарушающий слово и прочее, будет исключен из сообщества элиты.

— А зависть, классовая ненависть — там существуют?

— Высший класс США, повторяю, легитимен, защищен законом, ему не надо бояться зависти, преследований. Существенно и то, что элита никогда не выставляет свое богатство напоказ, не демонстрирует превосходство, как

часто делают отечественные парвеню — неожиданно разбогатевшие выскочки.

— Требуя от чиновников декларацию о доходах и имуществе, президент Лукашенко ориентируется на западное общество?

— Сомневаюсь. Лукашенко — порождение классовой борьбы. Мы так долго формировали "социалистический" подход к богатству, громили "грязные нетрудовые доходы", обличали "мелкобуржуазную психологию", что попали в ловушку. С одной стороны — богатых-де быть не должно, они чужеродный элемент для социалистического общества. С другой — социализм нужно было строить не на голом энтузиазме, а на личной материальной заинтересованности. А это значит, что лучше жить должен тот, кто лучше работает, кто приносит большую пользу обществу.

Но по закону социального сравнения тот, у кого две коровы, — богач (в глазах того, кто имеет одну). Решили запретить вторую корову, потом и второго поросенка, теплицу, дачу. И пошло, поехало. Ограничение фонда зарплаты, сближение тарифных ставок, соблюдение средних окладов, запрет совместительства и все остальное, что народ назвал "уровнировкой".

В условиях "социального братства" правящая элита вынуждена была скрывать свое достояние. Была разработана изощренная система маскировки, сокрытия доходов. Существенных изменений не произошло поныне.

— Посмотришь на ихние оклады — действительно нищета. У водителей троллейбуса — больше. Помните, как Лукашенко разгневался на машинистов минского метро, у которых оклад выше президентского, а они, подлые, — бастовать? Конечно, никто не верит мифу о бедных министрах. Но никто и не знает, из чего складывается их благосостояние.

— В жизни крупного госчиновника кое-что изменилось. Исчез дефицит как надежный источник доходов. Менее доходными стали загранпоездки. Оскудели мелкие привилегии, кажется, нет продовольственных пайков с доставкой на дом. Зато появились новые возможности: кредиты, лицензирование, валютные операции, использование госсобственности, бартер, инвестиции...

Бедных министров нет и быть не должно. Однако их богатство необходимо легализовать, а не скрывать фиктивными декларациями. Надо платить правящей элите хорошую зарплату, все остальное — от продуктов до путевок — она должна покупать за свои деньги, как и все граждане страны.

— Сергей Александрович, меня все-таки угнетает один нюанс: может, мы с вами занимаемся неприличным делом — заглядываем в чужие кошельки?

— Не могу с вами согласиться, Анатолий Николаевич. Заглядывать в кошельки элиты общество обязано не для пересудов, а для укрепления доверия к власти. В демократических странах эта проблема решается радикально. Каждый согласившийся на "хождение во власть" изначально готов к тому, что эта сторона его жизни должна быть открытой и подконтрольной общественности.

— Все ли высокие начальники, став оными, делаются у нас богатыми? И почему, если да? Где причинная связь, если их официальные оклады смехотворно малы?

— Богатеют не все, хотя могут при существующем положении вещей. Драматизм ситуации в том, что самые лучшие по общественным меркам, то есть честные, принципиальные, болеющие за страну, оказываются, мягко говоря, "недотепами" в своем кругу. А будь у них высокая зарплата, без скрытых дотаций и привилегий — все были бы в равном положении: честный не испытывал бы дискомфорта, тот, кто берет, знал бы, на что идет.

— Прослеживается ли наукой такая причинная связь: общество не верит своей правящей элите потому, что не верит ее демагогической бедности? Хотя, впрочем, мой вопрос страдает некоторой неточностью: ведь элита сейчас не скрывает своего кошелька, демонстрируя загородные дворцы.

— С этими дворцами произошел конфуз. Элита впервые "подставилась", нарушив первую заповедь советских времен — не демонстрировать свое реальное положение. Ситуация абсурдна: средства вложены, но дома не достроены и не имеют рыночной стоимости. Не лучше ли узаконить дворцы и позволить людям обустриваться?

— Нормальное формирование высшего класса — это формирование здорового общества. В чем суть нормы?

— Пора бы нам понять, что высший класс, элита — не "нарос" на здоровом теле общества, не "кровососы", "стяжатели", "жулики" и так далее. Это — органичная, необходимая и крайне важная часть общества. Запреты бессмысленны, ибо рождение и воспроизводство элиты — закон жизни. Элита уйдет в иные формы — теневую экономику, всевластную номенклатуру. Это уже не элита, а мафия.

Вопрос не в том, быть элите или не быть, а в том — какой ей быть, какая элита нужна обществу, каков механизм ее формирования. Если продолжить закрытый, номенклатурный путь, то мы вновь через некоторое время получим

"вырожденцев", неспособных защитить даже себя при малейших потрясениях.

Что касается отмеченной вами связи, то она существует. Предпосылкой здорового общества является легальная элита, формирующаяся из лучших представителей общества. Принимающая личную ответственность за его развитие, всемерно поддерживающая свою высокую репутацию. Независимая от капризов власти. В Беларуси такой элиты пока нет.

— Когда мы будем иметь нормальную элиту, тогда и сами нормально заживем?

— Кадры решают все — не зря лозунг понравился японцам. Но нам необходимо преодолеть стереотипы массового сознания, связанные с недоверием к власти как таковой, с неприятием всяких "умников".

Увы, бездарь порох не изобретет, а Беларуси не хватает именно пороха. Лучших режим выталкивает за границу, загоняет в подполье, во внутреннюю эмиграцию. Разве кризис, который мы сейчас переживаем, не связан с потерями национальной элиты — в тридцатых, в сороковых, в конце девяностых?

— Будем считать ваш риторический вопрос афоризмом нашей темы?

— Согласен.

1998